

Истоки танца

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Каждый народ в своем творчестве утверждает присущее ему представление о прекрасном, собственный идеал красоты. В своем искусстве народ никогда не лжет, не фальшивит: он показывает себя таким, каков он есть. Фольклорный образ — это всегда портрет живописный и нравственный. В народном творчестве извечно воспеваются благородство, самоотверженность, героизм. Героизм не только высококрасив, но и прекрасен, и потому для людей герой обязательно красив. Народное искусство изначально воспитательно: оно осуждает плохое и поощряет хорошее.

Художник родился в человеке в самой колыбели народного бытия. Человек не только пахал, сеял, косил, молотил, рубил, строгал, строил, пряд, ткал, шил, но и рисовал, красил, вышивал, украшал свое жилище, одежду — свой быт. Придумывал песни, музыку, танцы, свои обряды и праздники, словом, жил творческой жизнью, создавал то, что называется национальной культурой.

Профессиональное искусство унаследовало искусство народное, в которое народ вложил свое сердце, свой гений, свой характер и образ. Мастера культуры должны продолжать его развитие, поднимать на новую ступень, искать и находить новые черты и приметы современности.

Фольклор — это не просто наша история; это нескудеющая духовная сокровищница.

Недавно в Москве прошел смотр профессиональных ансамблей песни и танца России и автономных республик. Перед глазами зрителей развернулось зрелище огромного богатства. Приятно было видеть, как уважительно и достойно артисты ансамблей Чувашии, Мордовии, Удмуртии, Башкирии, Северной Осетии, Адыгеи и другие передавали характер и образ своего народа, красоту и достоинство его души.

К величайшему сожалению, искусство русское, особенно искусство танца, было представлено на этом смотре гораздо менее интересно.

Правда, выступали только два коллектива — молодой и еще незрелый ансамбль Владимирской филармонии «Русь» под художественным руководством Я. Хохлова и балетмейстера В. Чесовника и вполне многоопытный Государственный Красноярский ансамбль танца Сибири под руководством М. Годенко.

Между тем за год до этого русское искусство было пред-

ставлено значительно богаче и лучше на смотре русских хоров, где были показаны прекрасные образцы музыки, песни, костюма, танца архангельским, воронежским, уральским, омским коллективами, хором донских казаков.

О русском танце — увы! — на материале последнего смотра сказать этого нельзя. Русский танец растворяется в наносных влияниях, засоряется инородными элементами плохой эстрады, чечетки, цыганщины, трюкачеством, акробатизмом, развязностью, заигрыванием с публикой. Все это вытесняет подлинно народное достоинство, благородство, целомудрие, лирику и юмор. Мы видим спекуляцию внешними приметами народности, под прикрытием которых происходит искажение народного характера. Борьбаться с этим явлением не просто, ведь дурные примеры заразительны и следовать им легче.

Воспитание вкуса, так же как и воспитание чувств, — дело тонкое, требующее длительных и систематических усилий. Искусство может помочь людям подняться до вершин духа, а может и угождать низшим инстинктам. Вспомним горьковское высказывание о двух фольклорах: фольклор, в котором запечатлены народная мудрость, фантазия, поэзия, лирика, и — фольклор приносящий, грубый, скабрёзный.

Пример творческого отношения к фольклору нам преподдал великий Пушкин, превративший сказки Арины Родионовны в жемчужины народной сказочности. А как не вспомнить дерюмовскую песню про купца Калашникова, композиторов Глинка, Мусоргского, Римского-Корсакова, обработавших и вернувших народу его национальную музыку!

Все чаще приходится быть свидетелем необычайного обеднения языка русского танца. Один из многообразнейших в мире танцевальных фольклоров сведен к дюжине движений и трюков, к однообразию манеры, рисунка, костюма, в то время как каждая область России имела свою тему, характер, манеры, костюм, орнамент.

Можно ли представить себе писателя, пишущего рассказ с помощью дюжины слов? А в области русского танца есть немало хореографов с запасом в дюжину движений. Неудивительно, что все они друг на друга похожи — ведь богатство внутреннего мира художника проявляется в богатстве его выразительных средств.

У кого, как не у народа,

можно поучиться бесконечному разнообразию форм, оттеняющих малейшие нюансы характера, чувства? Как точно язык народа находит нужное слово для определения самого тонкого понятия. Например, удал, храбрость, смелость, отвага, героизм. На первый взгляд, это синонимы; но в удали мы находим некоторое самолюбование, нечто показное; храбрость — это когда опасности смотрят в глаза, встречают ее грудью; отвага — это когда человек бросается навстречу опасности; смелость — это не только храбрость сердца, но и храбрость ума, умение сохранить трезвость мысли в минуту опасности. Не случайно Суворов говаривал, что солдат должен быть отважен, а офицер смел. И, наконец, героизм — это высшая форма самоотверженности во имя общего блага.

Все мы знаем, что в искусстве иногда достаточно прибавить или убавить один штрих, одну ноту, чтобы изменить мысль художника. В искусстве больше — не значит лучше.

Как ни странно, но все искривления в области русского танца объясняются недостаточной осведомленностью, низкой культурой и вкусом многих хореографов, работающих в этой области. Вместо того, чтобы добросовестно изучать особенности и оттенки русского танца на местах, они подменяют их стандартным набором «эффектных» трюков, имеющих всеобщее и повсеместное хождение, надежно испытанных успехом у публики. В погоне за технической виртуозностью, за трюками, ошеломляющими зрителя, они не замечают того, что за этой «лихостью» скрывается пустота. Работа на публику, погоня за успехом уводит искусство от главной задачи — раскрытия широкой палитры чувств, русского характера, многообразия форм и оттенков его проявления. И особенно страдают от этого чувства тонкие, такие, как благородство, целомудрие, скромность, лиризм.

В иных коллективах стремление к преувеличениям сказывается на всем, начиная с усиления звучания оркестра до боли в ушах, преувеличенного орнамента на костюмах до оскорбляющих своей вульгарностью жестов, имеющих целью во что бы то ни стало рассмешить зрителя. К сожалению, молодежь нашей самостоятельности нередко принимает все это за эталон подлинной красоты. Возникает мысль о необходимости более углубленной работы по подготовке творческих кадров, о проведении семинаров, на которых изучалось бы все богатство русского искусства, местные особенности стиля, рисунка, орнамента, костюма.

Все это необходимо, если мы не хотим, чтобы искривления в области русского искусства превратились в норму.

Игорь МОИСЕЕВ.

Народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.